

**АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВ**

НАРУЖНОЕ
НАБЛЮДЕНИЕ

КОМАНДА

Игорь Шушарин
Евгений Вышенков
Андрей Дмитриевич Константинов
Команда
Серия «Наружное наблюдение», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169423

Наружное наблюдение. Команда / Андрей Константинов при участии Евгения Вышенкова и Игоря Шушарина: Невз; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-083644-4

Аннотация

Слово «филер» вызывает в памяти образ человека в котелке, с тростью, осторожно выглядывающего из-за афишной тумбы. Отношение к филерам всегда было недоверчиво-брезгливым, как к людям, которые по роду своей деятельности занимаются чем-то неприличным. Тем не менее филеры отнюдь не вымерли, как мамонты, а лишь немного видоизменились. Потому что с древних времен лучшего (а главное, более простого) способа получить достоверную оперативную информацию так никто и не придумал...

В поисках неуловимого Ташкента, убившего их товарища, сотрудники «наружки» выходят на финишную прямую – враг обнаружен, сети расставлены. Теперь бригадиру Нестерову предстоит решить: что станет итогом их работы – возмездие или справедливое наказание... Но в дело вмешивается Его Величество Случай...

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Константинов, Евгений Вышенков, Игорь Шушарин Команда

© А. Константинов, 2008

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Глава первая Лямин

...При выходе наблюдаемого филер должен держать себя спокойно, не теряться, не срываться с места. Если наблюдаемый еще не видел наблюдающего за ним филера, то последнему лучше укрыться, но если наблюдаемый заметил, то лучше остаться, не изменяя положения и трогаться лишь тогда, когда наблюдаемый далеко отойдет или завернет за угол...

Из Инструкции по организации филерского наблюдения

С тех пор как процесс искусства фотосъемки немислимо упростился и фактически свелся лишь к нажиманию на соответствующую кнопочку, человечество обожает шататься по планете и запечатлеть на «кодаки» и «коники» окружающий мир. При этом из всего столь многогранного окружающего мира его, в первую очередь, интересуют образы себе подобных, а в наипервейшую – себя подобного и любимого.

Человечество обожает собственные фотокопии анфас и в профиль, в окружении друзей, знакомых, малознакомых и совсем незнакомых лиц, а также на фоне красочных пейзажей и праздничных столов, уставленных яствами и бутылками. Человечество любит позировать, успевая в неуловимый промежуток времени между нажатием кнопочки и морганием вспышки собраться и принять правильный, подобающий ситуации вид, отпечаток которого в дальнейшем не стыдно будет оставить потомству. Одним словом, любит приобщиться к фотоискусству, искренне считая себя объектом, достойным запечатления и увековечивания.

Единственно, чего не любит человечество, это когда его снимают внезапно. Еще сильнее его раздражает съемка скрытой камерой. И уж совсем полное отвращение вызывает такая же фотосъемка, инициированная представителями всяческих силовых структур. Впрочем, подобного рода структуры, дабы не влиять на психику и без того издерганного бытом человечества, стараются не афишировать своего увлечения этим видом творчества и не выставляют на всеобщее обозрение свои любительские фотоработы. Тем более, что последние, в большинстве своем, никакой художественной ценности не представляют. Поэтому человечество продолжает жить спокойной жизнью, будучи уверенным в своей полной фотогеничной безопасности и, случайно услышав из ближайших кустов, либо стоящего автотранспорта всхлипы щелкающего затвора, не принимает их на свой счет...

Так размышлял Нестеров, наматывая круги вокруг Спасо-Преображенского собора и выписывая направо и налево квитанции граждан, пришедших проводить в последний путь безвременно почившего от неумеренного пристрастия к кокаину Витьку-Стоху (в миру – Стольников Виктор Илларионович). Тем же самым в данную минуту занималась и Полина Ольховская, – единственное отличие заключалось в том, что она обходила собор не по, а против часовой стрелки. Кроме того, на голове у Полины был подобающий случаю черный платочек. Валера-тихоход и Лямин коротали время в машине, зачальной на Короленко. Первый сторожил оперативное авто, а второй не был допущен к деликатной работе по весьма банальной причине – рылом не вышел. Действительно, глядя на долговязого, щупленького, белобрысого паренька, едва ли можно было поверить, что он имеет какое-либо отношение к братве, либо является давним почитателем таланта покойного. На сына Витьки-Стохи, пускай даже и от морганатического брака, он также не тянул. Так что нишкни, пацан – здесь серьезные люди тоскуют.

Нестеров не любил работу на подобных массовых мероприятиях. И не потому, что при столь плотном контакте с потенциальными клиентами риск расшибона несколько возрастал (при том, что сами братки уже давно смирились с тем, что их скорбные физиономии на похоронах запечатлевают все кому ни лень – от эфэсбэшников до журналистов), просто по-человечески неприятно было смотреть на всю эту клоунаду: большинство присутствующих покойному при жизни готовы были собственноручно глотку перегрызть, но как только человек помер, всё – слезы, сопли, спи спокойно, дорогой товарищ. Бригадир вспомнил, как в прошлом году присутствовал на похоронах Кости-Могилы. Отпевание тогда происходило в Лавре, и хотя хор певчих был потрясающе красив, настроиться на возвышенный лад мешали периодически раздававшиеся трели мобильных. Даже здесь дело было превыше всего. Нестеров невольно усмехнулся, вспомнив группу неумело и невпопад, однако зело старательно, крестившихся молодых «качков». Тогда старший из них, заметив, что многие из присутствующих стоят с зажженными свечами, протиснулся к выходу, купил у испуганной бабульки охапку свечей оптом и важно раздал своим. Свечи зажигали, естественно, от «Зиппо». И то ладно – хоть не от хабариков...

Бригадир в очередной раз поравнялся с Ольховской, скосил глаза на часы, а затем мечтательно запрокинул голову, что в переводе на общепонятный означало: «Сейчас на кладбище поедут, там пусть Пасечник со своим экипажем пасется – а у нас все, шабаш, время вышло». Полина поняла Нестерова правильно, чуть заметно улыбнулась, а бригадир не без удовольствия отметил, что с ролью «грузчицы» она уже вполне освоилась и для новичка держится весьма и весьма уверенно.

Смена освободилась непривычно рано – к началу четвертого уже и сдались, и отпились. Нестеров решил воспользоваться этим обстоятельством и за остаток дня сделать установки по оставшимся трем адресам и тем самым завершить эту порядком поднадоевшую тему. После вчерашнего фиаско бригадир окончательно перестал верить в положительный результат этих мероприятий – слишком уж устаревшей и неконкретной была исходная информация. К тому же, немного представляя себе характер и методы работы Ташкента, можно было не сомневаться в том, что в своей жизни тот старается придерживаться озвученного известным поэтом тезиса: «никогда не возвращайтесь в прежние места». Однако Нестеров привык доводить начатое дело до конца и в этом с ним была солидарна и Полина. Впрочем, у нее были на то свои резоны – она надеялась, что работа по установкам на какое-то время переключит внимание смены от Камыша, а там, глядишь, он немного успокоится и, может быть, все-таки переборет себя и поможет.

Ситуация немного осложнялась тем, что Козырев подвизался в управленческом гараже строго с девяти до шести, так что катать их на «лягушке» сейчас было некому. Но ради такого дела Нестеров решил воспользоваться ладонинской «девяткой»¹ и раскошелиться на такси. В самом деле – не на общественном же транспорте колесить? Тем более что адреса были раскиданы в самых разных концах города. В настоящий момент бригадира в большей степени беспокоило другое: вчера Паша отказался поехать с ними в адрес, сославшись на явно выдуманную отмазку, а сегодня уже Лямка промямлил что-то невразумительное про якобы внезапно заболевшую бабушку и тоже попросил увольнительную на вечер. Пацаны чего-то крутят. И дай-то бог, чтобы это было нечто лично-срочное, хуже если они решили (а с них станется!) заняться параллельным личным сыском. Ивана Нестеров, конечно, отпустил, но принял при этом твердое решение: сегодня оставшиеся адреса добить, а завтра устроить производственное совещание с обязательной явкой всех участников их тайного «Союза меча и орала». В последние дни дисциплина во вверенном ему подразделении стала хромать – похоже, и правда пришла пора заняться серьезной индивидуально-воспитательной работой.

¹ Девятка (проф. жаргон) – деньги на оперативные расходы.

Нестеров и представить себе не мог, насколько в своих подозрениях он оказался прав. Лямин действительно отправился на выполнение самостоятельной «разведывательной миссии», план которой они накануне вечером разработали вместе с Пашей. План был до безобразия прост и столь же безобразно авантюрен: юные «грузчики» решили устроить пункт наблюдения на детской площадке, расположенной в соседнем дворе, дожидаться вечернего возвращения объекта, после чего под благовидным предлогом войти в парадную на плечах и срисовать домашний адрес. Ну а дальше рутина: адресная база, установление личности и дальнейшая пробивка. Возможно, этот план и проканал бы, имей они дело с рядовым жителем, не озабоченным ежедневными проблемами собственной безопасности, но Камыш к таковым не относился. Опять же известно, что большинство жильцов квартир, оборудованных домофонами, очень не любят, когда вместе с ними в подъезд заходят посторонние... Нет, в принципе, любой авантюрный план может быть реализован, но для этого необходимо хотя бы одно из двух условий: либо реализацией плана занимаются профессионалы, которыми ни Козырев, ни Лямин пока не являлись, либо если в дело вмешивается счастливая случайность. Однако в этот раз она предпочла явиться к кому-то другому...

С самого начала все пошло наперекосяк. Ваня и Павел должны были встретиться на Рубинштейна в половине седьмого, однако смена освободилась раньше, поэтому Лямин был на месте уже в начале шестого. Назначая время встречи они исходили из того, что нормальный человек (а уж тем более человек с замашками «крутого») все равно раньше семи-восьми часов дома не появляется. Однако после того как скучающий Лямин прогулялся до двора объекта, он увидел, что «БМВ» уже припаркована у подъезда. «Грузчики» рассуждали вполне логично, однако они не могли знать того, что запивший накануне Камыш в этот день просто решил устроить себе выходной – благо он был сам себе хозяин и ежедневное личное присутствие на точках абсолютно не требовалось. Бизнес крутился, деньги капали... Как говаривал Абдулла, «что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?».

Иван попытался позвонить Козыреву, чтобы доложить ему о возникших затруднениях, однако Паша в этот момент по каким-то причинам находился «вне зоны действия сети». Тогда Лямин дошел до Рубинштейна, купил себе баночку джин-тоника, вернулся обратно на детскую площадку и, в ожидании Козырева, комфортно устроился на скамеечке...

...По неофициальной статистике примерно половина штатных сотрудников «наружки» попадает на службу в управление не в результате собственного осознанного выбора, а волею случая. Как уже говорилось, даже в самом Главке далеко не все сотрудники в курсе, что собой представляет ОПУ и с чем его едят. Потому неудивительно, что молодые парни и девушки, обращенные в милицейскую веру, совсем ничего не знают об этой службе до тех пор, пока им в силу самых разных причин не делается соответствующее предложение. Но и после того, как это предложение принимается, проходит еще немало времени до того момента, как новоявленный сотрудник наконец в полной мере осознает, в какой блудняк он попал. Точно так произошло и с Ваней Ляминым – в его случае имело место классическое грибоведовское «шел в комнату – попал в другую».

Летом 2001 года семнадцатилетний Лямка приехал в Питер из Костромы с намерением поступить в Гидрометеорологический институт. Намерение это было выпестовано исключительно Ляминными-старшими, которые, отправляя свое единственное чадо в далекий Петербург, исходили из двух соображений: во-первых, здесь в отдельной двухкомнатной квартире жила бабушка Ивана, а следовательно, вопросы относительно скитания ребенка по общежитиям и питания всухомятку отпадали сами собой, а во-вторых, мама Лямина в свое время заканчивала метеорологический факультет и до настоящего времени сохранила самые романтические воспоминания об этом периоде своей юности. Вчерашний костромской школьник, а ныне абитуриент Ваня Лямин подал документы, в назначенный день явился на первый

экзамен и сразу же срезался на сочинении, хотя оно и оценивалось-то не по твердой оценке, а лишь как зачет-незачет (вот они, истоки Ваниных страданий над сочинением оперативных сводок). Заразившемуся извечным питерским вольнодумством Лямину очень не хотелось возвращаться обратно в Кострому, под папино-мамино крыло. Тем более – возвращаться на щите. Мгновенно сориентировавшись, он теперь уже без проблем поступил в топографический техникум, успокоив родных, что уж со средне-специальным профильным образованием Гидромет от него никуда не денется. Возможно, так бы и случилось. Однако за то время, что Иван постигал азы геодезических наук, костромской райвоенкомат не сидел сложа руки – и за два года пребывания Лямина на берегах Невы не менее пяти раз доводил его маму до состояния гипертонического криза своими повестками и ночными визитами с участковым. В июле 2003 года Иван закончил техникум, а уже на следующей неделе родители прилетели в Питер, дабы на месте провести оперативное рабочее совещание на тему «Как нам закосить от армии». Вариант с попыткой очередного поступления в Гидромет отвергли как ненадежный – конкурс неожиданно взлетел и в этом году составлял уже почти пять человек на место. Ошибиться было нельзя. В конечном итоге, семейный совет, действуя по принципу «из двух зол выбирают наиболее симпатичное», пришел к несколько парадоксальному решению – надо идти служить в ментовку, оттуда не забирают. К тому же не все ведь там поголовно с пистолетами и дубинками по улицам гоняются, небось, и программисты, и прочие интеллектуалы требуются. Кого ж тогда, если не Ваню и братья? – ребенок с семи лет с компьютером, как с мишкой плюшевым, засыпал, а в четырнадцать сделал свою первую компьютерную программу. Правда, с остальными школьными предметами у Лямина были некоторые сложности – к примеру, грамотно писать он так и не научился, а город Екатеринбург на географической карте всегда безуспешно искал в районе Мурманска. Неслучайно, бабушка пыталась ворчать, что лучше бы ребенок книжки читал, да сочинения писал – тогда бы уже давно без проблем в институте учился. Но бабушку подвергли обструкции и обозвали ретроградкой, ничего не смыслящей в техническом прогрессе. Та демонстративно обиделась и больше в спор отцов и детей не вмешивалась.

Не откладывая в долгий ящик, на следующий день Ваня с отцом отправились в ближайшее территориальное РУВД – Выборгское. В отделе кадров отца с сыном попросили подождать, они вышли в коридор, присели на стульчики рядом с кабинетом и тут же попали в цепкие руки замполита отдела установки Димы Карташова, заскочившего в РУВД по своим служебным делам. Взглядом опытного установщика Дима мгновенно прочитал ситуацию, понял, что эти двое являются не просителями, а потенциальными соискателями и в течение каких-то пяти минут в высшей степени убедительно перевербовал Ивана. В обязанности Карташова входило, в том числе, латание дыр в штопанной-перештопанной штатной сетке Управления. Находить кандидатов на службу с каждым годом становилось все проблематичнее, а начальство, между тем, на каждом совещании вставляло Карташову пистон за некомплект, грозя при этом самыми невообразимыми карами. Ботаник-программист Дмитрию не требовался, однако в аналитическом отделе уже давно томился хороший знакомый Карташова, которого начальник отдела соглашался отпустить в установку лишь в обмен на компьютерщика. Последние, будучи весьма востребованными и хорошо оплачиваемыми ныне господами, попасть в ментовку на первоначальный оклад в сто пятьдесят баксов желанием, понятное дело, не горели. А тут программист сам в руки идет! Не отдавать же его Выборгским территориалам – загубят карьеру пацану, да еще и нехорошим вещам научат. Так Иван попал в расположение ОПУ. Попасть-то он попал, но потребовалось целых девять месяцев подготовки (пять – юридической и четыре – специальной) в учебном центре, чтобы документы на будущего младшего лейтенанта Лямина ушли наконец в Москву, а он сам впервые переступил порог своей новой конторы. Переступил – и оказалось, что его здесь не ждали. Выяснилось, что пару месяцев назад одному высокопоставленному милиционеру началь-

нику срочно понадобилось пристроить своего великовозрастного сына-балбеса на тихую и спокойную офицерскую должность в каком-нибудь непыльном месте. Таковым оказался аналитический отдел Управления, причем ченч, о котором так мечтал Карташов, тогда вернули буквально за пару недель. И вот теперь, когда выученный и горящий желанием немедленно начать борьбу с преступностью посредством нажимания на клавиши Лямин появился в отделе, выяснилось, что вакансии уже нет. Правда их полным-полно оставалось в наружке. Аргументы типа «имею возможность, но не имею желания» в данном случае в расчет не принимались – и в самом начале лета Иван приступил к несению службы в должности «грузчика». Естественно, компьютера здесь ему никто не предложил...

...Солнце светило, птички щебетали, а девушки дразнили взор голыми коленками и прозрачными блузками. Терпения Ивана хватило ровно на одну выпитую банку джина, после чего душа его потребовала действия. И не просто действия – подвига. Ваня решил в одиночку, еще до приезда Козырева лично срубить этот заколдованный адрес. Новый план был до гениальности прост (и как это Паша сам до него не додумался?). Итак, дано: в доме шесть этажей, соответственно, в подъезде двенадцать квартир – справа и слева от наружного лифта. Требуется установить: в какой квартире живет нужный человек. Решение: по лестничной площадке подъезда установлены большие, под три метра высотой окна. Через них, если задрать голову повыше и повнимательнее всмотреться, можно увидеть практически все двери квартир со второго по шестой этаж, расположенные справа от лифта. Если человек будет выходить из квартиры с этой стороны, засечь его – как не фиг делать. Задача усложняется тем, что несколько часов кряду стоять под окнами, возведя очи к небу, не слишком комфортно. Следовательно, человека надо спровоцировать на то, чтобы он обязательно вышел в нужный момент. Как это сделать? – Нет, ничего проще. Нужно сделать так, чтобы внезапно сработала сигнализация на его машине. Если он выйдет из квартиры справа – его будет видно с улицы, если нет – то по движению лифта будет понятно, что человек живет в квартире слева. Резюме: молодец, Лямин! Садись, «пять»!

Для собственной подстраховочки Ваня придумал себе еще один, по его мнению не менее гениальный, ход. Он достал из кармана помятую десятку и, присев на корточки засунул ее под капот «БМВ». Теперь можно даже и не спасаться бегством, а спокойно дожждаться объекта, убедиться, что это он самый и есть, а затем: «Ой, дяденька, извините, у меня под вашу машину денежка улетела». Лишний раз убедившись в то, что все гениальное – просто, Лямин решительно качнул черного «бумера», о котором в последнее время уже и кино снимают, и попсовые песни поют. Усиленная акустикой двора сигнализация сработала так, что всем чертям в округе стало тошно. Ваня вперился глазами в окна – двери по правой стороне не открывались, а лифт стоял без движения...

А он и не должен был двигаться, поскольку Камыш жил на втором этаже (как назло слева от лифта!) и предпочитал подниматься и спускаться пешком. Более того, в течение последних пяти минут он внимательно наблюдал из окон своей квартиры за манипуляциями Лямина и мучительно пытался вспомнить, где он видел этого пацана раньше. После того, как Иван засунул что-то под его машину, Камыш резко рванул к входной двери, намереваясь на месте выяснить, что это за хрень там происходит. Как был – в тренировочных штанах и тапках-шлепанцах на босу ногу, Женя выскочил во двор. Не ожидавший от него такой прыти Лямин побледнел и невольно сделал пару шагов назад, готовясь предпринять попытку скрыться бегством. Камыш мгновенно просчитал этот вариант, а потому с доверительной улыбкой и как можно беззаботнее спросил:

– Тебе чего, пацан? Ищешь кого?

Слегка успокоенный доверительным тоном объекта Лямин скороговоркой выпалил заранее сочиненную легенду.

В этот момент Камыш наконец вспомнил, что этого парня он видел два дня назад на мосту при известных обстоятельствах. И поскольку среди «своих» такого чудилы не было и быть не могло, вывод напрашивался один – пацан тогда играл на стороне Полины. С учетом того, что ныне в ментовку повально берут всех без разбора, ничего удивительного в этом не было. Камыш чуток сблизился с юным ментенком и утвердительно кивнул:

– Да, бабки серьезные, бросать жалко... Ну, подбирай тогда, коль и правда твои.

Лямин недоверчиво покосился в сторону Камыша, взглядом оценил расстояние между ним и машиной, прикинул, что в случае чего отскочить успеет, и доверчиво нагнулся – не потому что, и правда денег жалко было, а для того, чтобы довести легенду до убедительного конца...

Конец, и правда, был более чем убедительный. Камыш в три тихих шага очутился рядом с Ляминам и несильно (все ж таки, какой-никакой, а мент, представитель власти!), но в то же время вполне ощутимо рубанул Ваню боковым под левое ухо. Ваня обмяк и, выражаясь литературным языком, «опал как озимые». Камыш подхватил его под мышки, осмотрелся по сторонам и потащил в свою квартиру. Здесь Женя самым бесцеремонным образом обшмонал бесчувственное тело – ксивы и других атрибутов, указывающих на принадлежность пацана к силовым структурам, не нашел, зато выудил из внутреннего кармана паспорт на имя Лямина Ивана Михайловича, 1983 года рождения, уроженца Костромы, проживающего на Светлановском проспекте, и недешевую портативную «Моторолу». Радиостанция была выключена, поскольку Лямин прихватил ее с собой исключительно из понтовых соображений – с ней он в большей степени ощущал себя разведчиком, хоть практика и доказывала, что обычная мобила в бою надежнее будет.

Женя уложил Лямина на диван, подошел к окну, закурил. Никакой суеты во дворе не наблюдалось, похоже, отряд не заметил пропажи бойца. Это было немного странно, но при опять-таки нынешнем ментовском раздолбайстве, вполне допустимо. Сейчас больше всего Камыша занимал вопрос – имеет ли к этому инциденту какое-либо отношение Полина? Если она в курсе происходящего, тогда грош цена всем ее клятвам и уверениям. И пошла она в таком разе далеко и надолго. И Ташкента пускай за собой прихватит, там ему самое место. «Сейчас разберемся», – подумал Камыш, загасил сигарету и набрал мегафононский номер Полины:

– Здравствуй, милая моя, я тебя заждался...

– Женя, привет. Извини, я не могу сейчас долго разговаривать... У тебя что-то случилось?

– У меня – ничего. А вот у Лямина Ивана Михайловича небольшие проблемы.

– Женя... Откуда ты знаешь?.. Где он?.. Что ты с ним сделал?..

– Значит, память меня не подвела и вы таки знакомы... Коллеги значит?.. Соратники, блядь...

– Пожалуйста, перестань материться и объясни толком, что случилось? Где ты встретил Ивана?

– Извини, начальник, с культурным человеком – я культурен, но с хамами – я хам! Так меня в советской школе учили. Ясно? А «встретил» я его в своем дворе у своей же машины... Адресочек, часом, не ты нащептала?.. Хорошо, допустим, верю... Однако товарищ Лямин при нашей встрече не только не представился и не предъявил удостоверение личности, но еще и пытался закосить под Ваню-дурачка... Станный у тебя приятель, такой, знаешь, «в поле ветер, в жопе дым»...²

– Где он?

² Лагерная поговорка о легкомысленном человеке.

– Да здесь у меня на диванчике лежит, отдыхает. Бескультурный товарищ – даже ботинки не снял...

– Женья! Что ты наделал?.. Ты что, избил его?

– Бить не бил – сама понимаешь, на детей рука не поднимается. Так, для профилактики, разок в ухо дал, чтобы впредь на скользкую дорожку не становился. Я, конечно, понимаю, что ментам нынче мало платят, но это еще не повод, чтобы у законопослушных граждан машины воровать.

– Какие машины? Что ты плетешь?

– Дык, тачку мою угнать хотел. Хорошо еще, я недавно сигнализацию новую поставил... Весь двор переполошил, паршивец, так что, если потребуется, свидетелей предостаточно найдется...

– Женья! Я прошу тебя... Не трогай его, пожалуйста. Я... Я сейчас приеду к тебе, слышишь?

– Да уж, сделай одолжение. У меня тут все-таки не частная гостиница... Приезжай, милая, пока я окончательно... не растерялся...

Звонок Камыша застал Полину в машине. К тому времени они с Нестеровым уже сделали адрес на Энгельса (снова – пусто) и теперь, поймав частника, двигались в направлении Костромской. По телефонному разговору Полины бригадир понял – произошло очередное ЧП. Он попытался выяснить у нее, что случилось, однако Ольховская, кивнув в сторону водителя, мол, не будем при постороннем, лишь назвала новый адрес – «едем на Графский, быстро едем». Водитель лишь пожал плечами – довольно странная парочка платила хорошо, и ему было все равно, куда рулить.

Долетели до Графского. Нестеров задержался, расплачиваясь с водилой, после чего бросился догонять Полину. Та на ходу начала сбивчиво рассказывать бригадире про Камыша. Из ее бессвязного монолога Нестеров мало что понимал, а потому просто слушал, впитывая информацию. На детской площадке они наткнулись на бесцельно слоняющегося Козырева. «Так – и этот здесь», – обреченно подумал Нестеров, лишь сейчас окончательно оценив масштабность предполагаемых разрушений. Он притормозил Полину и не терпящим возражений голосом прервал ее:

– Значит так, други мои. Притормозили – отдышались. Сначала говорит Козырев, остальные слушают. Потом говорит Полина – остальные внимают. Кратко, по существу, без лишних эмоций. Эмоции я вам обещаю устроить потом. Паша?

Будь на голове бригадира чуть более пышная растительность, то от историй, поведенных его «грузчиками», волосы на ней безусловно встали бы дыбом. А так, с трудом подавив в себе желание витиевато выматериться в адрес Ольховской, а затем заехать в глаз Козыреву, он лишь сглотнул подступивший к горлу ком и прохрипел:

– Полина – веди. А ты... Натти Бампо³ херов, жди здесь.

Они направились в адрес Камыша, а взъерошенный и подавленный Паша остался ждать их на той самой скамеечке, где еще час назад, беззаботно попивая джин, Ваня Лямин изобретал свой «гениальный» план.

В скором времени Полина вернулась вместе с Ляминим. Тот волочился за ней с потерянно-страдальческим видом, держась левой рукой за пострадавшее ухо. Ольховская усадила Ивана на скамейку и отправила Козырева за водой. Растерянный Паша, ошалело глядя на раненого товарища, зачем-то переспросил: «С газом брать или без?», за что был послан Полиной на три известных буквы, и газообразно растворился в ближайшем продовольствен-

³ Следопыт, персонаж приключенческих романов Фенимора Купера.

ном магазине. Через пару минут он вернулся с бутылкой минералки, и Ольховская наложила холодный компресс на многострадальную и пустую Ляминскую голову.

Нестерова ждали почти час. Лямин, которому водные процедуры явно пошли на пользу, выдвинул было предложение всем вместе пойти на выручку: «Вдруг у них там драка завязалась?», однако Полина посмотрела на него таким взглядом, что он сразу заткнулся и вплоть до возвращения бригадира больше не проронил ни слова... Наконец появился Нестеров. Александр Сергеевич подошел к своим, допил из бутылки остатки минералки и, обернувшись к Лямину, тихо приказал:

– Станцию!..

Иван достал из кармана «Моторолу» и протянул ее бригадиру. Нестеров убрал ее в дипломат, при этом не удержался и ругнулся в сердцах:

– Дай дураку хрен стеклянный, так он мало того, что разобьет, так еще и порежется. – Затем, обращаясь уже ко всей смене, устало сказал: – Самое правильное сейчас было бы сообщить вам, что наша поисковая группа на этом свою работу прекращает... Потому что вам, с вашими талантами, самое место в борделе выступать, а не в разведке служить. И если я сейчас не цитирую царя Соломона, который говорил «ребята, идите вы все в одно место – то бишь в жопу»,⁴ то только лишь потому, что мама меня учила никогда не поступать по первому зову сердца, поскольку оно всегда благородно. Короче, пошли вон отсюда – завтра будем разговаривать. Лямин хотел что-то возразить, однако Паша сердито дернул его за руку и чуть ли не силой утащил его от тучеподобного Нестерова. А бригадир, увидев попытку Полины двинуться в направлении подъезда Камыша, в свою очередь попридержал ее за руку:

– Не надо туда идти. Евгений просил передать тебе, что если ты захочешь подняться, он все равно не впустит.

– Александр Сергеевич, он... Он очень зол на меня?

– Очень. Мне кажется, в душе он уже простил тебя и именно поэтому очень зол...

– Женя поможет нам найти Ташкента?

– А разве я сказал, что мы будем продолжать искать Ташкента?

– Простите меня, Александр Сергеевич, это я во всем виновата...

– Полина, прошу тебя, поезжай домой. Ну не доводи до греха...

– Хорошо, я поеду. Только скажите – он поможет?

– Не знаю. Наверное – да... Кстати, он у тебя оказался очень неплохим мужиком. Даром что... Хотя, какой там к черту браток – нормальный парень, по крайней мере, с мозгами.

– Я знаю. Вот только он не «у меня». Спасибо вам, Александр Сергеевич. И, пожалуйста, сильно ребят не ругайте...

– Хорошо, сильно не буду: я им просто башки поотрываю и дам в руки поиграться...

Привести свои угрозы в исполнение Нестеров не смог по той причине, что со следующего дня смену перевели на вечерний график работы. Посему провести полноценное толковище с раздачей слонов всем участникам «графской разборки» не удавалось – каждый раз не хватало третьего, то бишь зависающего в гараже Козырева. Такая возможность представилась лишь на четвертые сутки, когда по отделу объявили «День здоровья». Личный состав уже неделю жил в предвкушении массового выезда на природу, однако накануне был жутко обломан новыми вводными, присланными из отдела кадров. Вместо желанного выезда на Кавголовское озеро, где футбол, волейбол и прочее, народу предлагалось к девяти утра явиться на стадион «Динамо» и принять участие в пятикилометровом кроссе и зачет-

⁴ В данном случае Нестеров весьма вольно цитирует слова библейского царя Соломона. На самом деле в оригинале фраза звучит так: «Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах».

ных стрельбах. Мало того, после сдачи нормативов всем оставшимся в живых следовало вернуться в родную контору – здесь спортсменов ожидала культурная программа под названием «Суд офицерской чести». Сдавать бег в двадцатиградусную жару, да по питерской влажности – это надо было еще додуматься. Узнав о предстоящем спортивном «празднике», Полина невольно подумала, что, возможно, это лично ей (а в ее лице и всему отделу) таким вот образом Шлемин решил отомстить за давешнюю пощечину на поминках Антона. Мол, чтоб не забывала, чьи в лесу шишки. Нестеров посочувствовал смене, высказавшись о кадровиках словами классика, дескать «были времена и хуже, но не было времен подлей». Впрочем, самому бригадиру завтрашнее самоистязание не грозило – не в том он был возрасте, чтобы пятками на стадионе сверкать. Уж насколько кадровики были бесбашенными, но все ж таки уважение к сединам и они имели.

Что же касается предстоящей «культурной программы», то действо под названием «Суд офицерской чести» в этот раз обещало быть в высшей степени занимательным. История, в которую пару недель назад угодил «грузчик» из смены Климушкина Лева Трушин, была ослепительной и поучительной одновременно. Другое дело, не совсем понятно, за каким-таким, извините, хреном... руководству Управления понадобилось организовывать подобное шоу для среднего начальствующего состава, если с подразумеваемым итоговым резюме – «пить на службе плохо», – и так было ознакомлено подавляющее большинство сотрудников отдела. У тех же немногих, кому сей постулат был неведом, на этот счет имелась вполне достойная отмазка – они по разным причинам алкоголь не употребляли. В любом случае, сама тема была столь деликатна, что ее неправильное освещение грозило обернуться фарсом (забегая вперед, скажем, что именно это и случилось). А дело было так.

Смена Климушкина за не вполне ясные грехи работала в выходные. Не просто работала – обеспечивала мир и порядок на очередном городском пивном фестивале. Задача смены, как обычно, была предельно проста: слоняться в штатском среди предающихся воздействиям граждан и выявлять потенциальных террористов и прочих, склонных к насилию индивидов: выявлять, фиксировать, после чего сдавать их на руки представителям гласных служб.

Лето, жара, музыка, пиво... Как говорят митьки: одним судьба – карамелька, другим – сплошные муки. Изнывая от палящего солнца, духовною (и не только) жаждою томимый Костя Климушкин в толпе праздно шатающихся и потягивающих пиво горожан неожиданно наткнулся на Игоря Всеволодовича Гринько. Четыре года назад Игорь Всеволодович, матерый опер и просто классный мужик, был вынужден уйти из наружки по семейным, выражаясь казенным языком, обстоятельствам. Гринько повезло – ему удалось устроиться на довольно козырное (по мнению его бывших коллег) место – в службу безопасности одной из ведущих пивоваренных компаний города. С тех пор он катался, ну уж если не как сыр в масле, то как муха в дерьме, точно... Встретившись в парке, бывшие соратники по борьбе с гидрой преступности шумно облобызались, после чего Всеволодович, на правах именинника, потащил Климушкина в свою штаб-квартиру – тыловую часть сине-белой палатки, вход в которую осуществлялся исключительно по приглашениям. Пей они лишь продукцию компании, которую на сем мероприятии представлял Гринько, ничего катастрофического не случилось бы. Однако Климушкин и Всеволодович так давно не виделись, что само собой без водки (исключительно на запивку) не обошлось. Через полчаса захмелевший Костя вспомнил про свою, все это время трезво скитающуюся меж высоких трав, смену, и хлебосольный Гринько широким жестом пригласил к столу и служивую молодежь. Молодежь была не чета старикам – держать стакан не умела абсолютно.

В какой-то момент Лева Трушин ощутил потребность справить нужду (малую ли, большую ли – история об этом умалчивает). В общем, «вы дальше слушайте Алсу ну а я пойду – поссу». До ближайшего кемпинга биотуалетов было метров сто, которые он уверенно пре-

одолеет, после чего встал в хвост небольшой очереди, состоящей из парочки таких же, как он, страждущих. Очередь двигалась медленно, и все это время Лева усиленно ломал голову над мучившей его дилеммой: платить ли за посещение требуемую десятку или же, засветив ксиву, пройти на халяву? Жадность фраера сгубила – Трушин прорвался за так, хотя без минутного препирательства со злобной теткой, конечно же, не обошлось. «Грузчик» заперся в кабинке и первым делом попытался убрать обратно в потайной карман свою драгоценную ксиву. Но то ли координация его движений была слегка расшатана вследствие употребления полутора литров пива, то ли просто гороскоп в этот день был крайне неблагоприятен для Водолеев... Короче, ксива угодила прямехонько туда, куда обычно попадают самые разные предметы во второсортных плоских комедиях. Впоследствии на суде чести Шлемин скажет, что вслед за ксивой в эту секунду туда же упала и офицерская честь старшего лейтенанта Трушина...

С самыми дурными предчувствиями Лева опустил на колени, пристально всмотрелся в бездну и... облегченно вздохнул – удостоверение не утонуло. Это был классический пример того, когда умеренная доза разгильдяйства, вопреки всем законам логики, идет не во вред, а на пользу. Дело в том, что в свое время по Главку был издан приказ, согласно которому служебные удостоверения сотрудники должны носить исключительно на металлической цепочке, дабы не допустить утерю. (Кстати, говорят, подобное ноу-хау имело место лишь в северной столице, и приезжающие в Питер менты всегда очень удивлялись, глядя на своих закованных в цепи коллег.) Постепенно приказ подзабылся, цепочки вышли из милицейской моды, и лишь в ОПУ, которое всегда славилось принципиальным почитанием любых ведомственных инструкций и распоряжений, «грузчиков» продолжали заставлять носить ксивы с отягощением. Естественно, у Левы Трушина, известного в узких кругах раздолбая, таковые не задерживались – либо рвались, либо терялись. И вот повезло – в противном случае утянула бы цепь удостоверение на дно, а так, вот оно, новенькое, ламинированное, плавает себе, правда глубоко, рукой не достанешь.

Убедившись в тщетности своих выживающих попыток, Лева запросил по станции на подмогу второго «грузчика» – Женю Стукова. Он передал ему свои координаты и попросил немедленно лететь сюда, предварительно захватив по дороге лопату, багор, либо, на худой конец, просто длинную палку. Женя, ясен пень, из сбивчивого рассказа товарища мало что понял. Оставив в палатке ничего не подозревающих Климушкина и Гринько, он отправился на поиски лопаты, естественно, таковой не нашел, плюнул и двинулся в сторону, откуда Лева отчаянно посылал ежеминутные сигналы SOS. У кабинки столпилась уже порядочная очередь, и злобная тетка колотила в дверь, призывая Трушина немедленно покинуть помещение. Стуков протиснулся сквозь толпу, крикнул: «Левка, открой, это я!», после чего дверь приоткрылась, и Лева быстро втащил его внутрь. Толпа, дирижируемая теткой, злобно загудела. Назревал штурм. Женя, поняв наконец, в чем дело, начал ржать как очумелый. Озверевший Лева, убедившись, что в ближайшее время конструктивной помощи от напарника не дожидаться, приказал Стукову никого и ни при каких обстоятельствах не впускать, выскочил из кабинки и, спасаясь от праведного народного гнева, бросился на поиски инструмента.

В свою очередь тетка, которая за последние двадцать минут вынужденного простоя туалета потеряла рублей двести чистой прибыли, заручившись поддержкой сгорающей от нетерпения общественности, пригласила на подмогу барражирующий неподалеку наряд ППС. Менты к предложению тетки разобраться с тем, кто сидит в кабинке, поначалу отнеслись прохладно, однако разгоряченный народ потребовал немедленного вмешательства силовиков, и те сдались. На настоятельные просьбы выйти и предъявить документы Женя не реагировал – его продолжал душить смех. В этот момент появился Трушин с выломанной откуда-то рогатиной... Через пару минут, когда, наконец, выяснилось, что произошло, ржали уже все – и Женя, и менты, и народ, и даже злобная тетка. Один лишь Лева

со своей рогатиной был занят делом, пытаясь подцепить многострадальную ксиву. На беду мимо проходил начальник отдела кадров Пал Палыч Хвостов, который в этот день был ответственным дежурным по Управлению. Пал Палыч решил проверить смену Климушкина, нашел на стоянке их оперативную машину, однако на просьбы водителя дать свою настройку «грузчики» не отзывались – Стукову и Трушину было не до того, а Климушкин отчаянных призывов просто не слышал – слишком уж громко играла музыка в палатке. Возмущенный Хвостов отправился в парк на поиски пропавшей смены. Здесь его внимание привлекло всенародное ржание, причем в этом процессе участвовали как рядовые подпитые граждане, так и сотрудники милиции в форме. Заинтересовавшись, чем собственно может быть вызвано подобное единение милиции и народа, Пал Палыч подошел поближе и увидел в толпе Стукова. Тот был весел и пьян. Ну а дальше... Мгновение, сколь печально и паршиво ты, прошу тебя – уйди, не продлевайся, слышишь?.. Ксиву, в конечном, итоге спасли. Правда, потом ее пришлось списать по причине слабого соответствия установленному образцу. Упившегося в хлам Климушкина увезли на дежурной машине. В благодарность за доставленные минуты удовольствия пэпээсники ходатайствовали перед Хвостовым строго ребят не наказывать, однако их показания к материалам дела, к сожалению, подшиты не были...

Нестеров невольно усмехнулся, вспомнив эту историю. Молодежь было жалко, особенно Леву, с которым он какое-то время успел поработать в одном экипаже. Он бы с удовольствием поучаствовал в нынешнем «судебном разбирательстве» в качестве общественного защитника, однако начальство, зная характер Нестерова и его умение превращать «высокое» в смешное, уже давно не допускало бригадира к участию в подобных мероприятиях.

На следующий день с самого утра ребята поехали на динамовские олимпийские игры, а отоспавшийся и потому пребывающий в хорошем настроении Нестеров направился в контору. За последние пару недель у него накопилось немереное количество бумаг, требующее надлежащего оформления с последующей отправкой заказчику, либо сдачей в архив. Да и кривую неуклонно растущих служебных показателей смены уже давно следовало проинтерполировать вверх с учетом последних уликовых снимков и установленных адресов. Однако заняться канцелярской работой ему не дали. Позвонил дежурный и объявил, что Нечаев немедленно требует бригадира к себе. Александр Сергеевич недовольно поморщился, убрал макулатуру в сейф и отправился на ковер.

Помимо Нечаева, в кабинете находился человек, в свое время идентифицированный Козыревым как «порученец». На самом же деле это был небезызвестный в силовых кругах официальный куратор милицейской наружки от «братьев наших больших» Кирилл Андреевич Евницкий. В этот раз «порученец» вел себя отнюдь не угодливо – напротив, по его позе (а Евницкий сидел, развалившись в кресле, небрежно закинув ногу на ногу) было понятно, что в данный момент именно он является хозяином положения и что сейчас скорее Нечаеву что-то было нужно от него, а не наоборот. Нестеров чуть брезгливо посмотрел в сторону Кирилла Андреевича – он давно недолюбливал этого эфэсбэшника. К тому же его печальный опыт показывал, что от представителей этой курирующей братии ничего хорошего ждать не приходится. По крайней мере, на памяти Александра Сергеевича его личные немногочисленные пересечения, случавшиеся по службе с этими товарищами, неизменно заканчивались либо серьезными задрочками, либо наложенными взысканиями.

Евницкий отставил допитую чашку кофе, кивнул Нечаеву, мол, «вы уж тут сами теперь без меня разбирайтесь, а я свое слово сказал» и направился к выходу. Подойдя к двери, он укоризненно посмотрел на Нестерова взглядом, который покойный Антоха Гурьев назы-

вал «ну-что-же-ты-Иглесиас?», после чего удалился. Александр Сергеевич окончательно убедился, что сейчас его будут прорабатывать. И не ошибся.

Нечаев мрачно глянул на бригадира поверх очков, затем уткнулся в бумаги и, не отрывая от них глаз, пробурчал:

– Где твой? На «Динамо»?

– Так точно. Держат курс от значка ГТО к олимпийским медалям. В Афины опоздали, теперь пробуем успеть к пекинской.

– Тогда передашь им, когда увидишь, что Фадеев поручил наказать весь ваш экипаж.

– Можно поинтересоваться, за что?

– За грубое нарушение служебной дисциплины, выразившееся в самовольном оставлении поста наблюдения за объектом «Андреевский рынок» и проведении мероприятия «НН» без соответствующего предписания. Приказание спущено по линии «братьев», обсуждению и обжалованию не подлежит.

– Н-не понял? – искренне удивился Нестеров. – Вы же мне сами говорили, что материал достойный и что Конкин, вроде как, хвалил, благодарил...

– У начальства, сам знаешь, семь пятниц на неделе. Сегодня любит – завтра бьет...

– А вы, Василий Петрович, значит, к таковому себя не относите. Вот, блин, а мужики-то не знали...

Нечаев сердито глянул на бригадира:

– Сергеич, ты что, пытаешься меня оскорбить? Уверю тебя, это не так просто. В этой жизни меня оскорбляли высококвалифицированные специалисты, не чета тебе. Тем более что в чем-то Фадеев прав – а если бы вас этот хренов «дипломат» срубил, тогда что? Питерское ОПУ в центре международного скандала? Распиздяйство бригадира Нестерова спровоцировало обострение российско-германских отношений?

– Виноват... Был не прав... Вспылил... Я что? Я ничего. Наоборот, чувствую, что за этот месяц благодаря неустанным заботам нашего руководства крепчаю гораздо быстрее, чем его маразм. Но ребят-то за что наказывать? Классно же было сработано!.. Ну признайся, Василь Петрович, без протокола, просто чтоб мне, старому мудаку, чуток спокойнее было, а.

– Нормально сработали. Хотя на то свинье и рыло – чтобы она рыла. Ладно, не хмурься. Ничего особенного, но сработали нормально. Как и положено. Может, потому и взъебали... И все, хватит об этом, не нашего ума это дело, пушай чекисты сами разбираются... У тебя Козырев когда в отпуск идет?

– В сентябре.

– А Лямин?

– Вслед за ним, в октябре.

– Значит так: Козырев пойдет в январе, а Лямин, который вслед за ним – в феврале. Ольховской – выговор. А ты, кстати, в этом году когда гуляешь?

– Отгулял уже, Василь Петрович, в мае отгулял.

– Ну, тогда... тогда... – Нечаев задумался.

– У меня еще строгого с предупреждением не было, – передразнивая знаменитого Афоню, услужливо напомнил Нестеров.

– А тебя мы лишаем тринадцатой, ясно?

– А у меня, с моим неполным служебным, ее и так не предвиделось.

– Значит, ты и не шибко расстроишься. Все, Александр Сергеевич, свободен. Приказ будет к вечеру, скажешь своим, пусть зайдут – распишутся. Да, еще: скажешь Козыреву, что с завтрашнего дня он снова в отделе. Хватит ему балду пинать. А то мне Валера-Тихоход уже всю плешь проел, каждый день заявляется. Я ж его из отпуска дернул, а у него вроде

как билеты на юг взяты... Короче, с утра начальник гаража звонил – восстановили «девятку» вашу. Похоже, побеждает ишо.

– А с гаишниками вопросы утрясли?

– Утрясли. Долг по ремонту полностью на эту девицу повесили. Наши умельцы расстарались, насчитали столько, что хватит еще пару машин починить.

– Ничего, – усмехнулся Козырев. – Я думаю, что для Рубика Суреновича это не вопрос.

– Ну это, может, и не вопрос... Тем более что теперь у гражданина Андросяна начнутся совсем другие проблемы... Задержали вчера вашего фигуранта. По подозрению в убийстве собственной супруги.

– Даже так?... А что, тело нашли? Где?

– Нашли. Недалеко от дома. Закопанная была в Южно-приморском парке. Два ножевых. Такие вот дела. Что меня поражает: человек сотнями тысяч ворочает, а лопатку, которой труп убиенной жены закапывали, выбросить пожалел. В гараже зашхерил. Хозяйственный, блядь, сукин кот... В общем, правильно ребята в УУРе говорят: в каждом человеке можно найти что-то хорошее. Главное, обыскать как следует...

– А девица на «порше»? Она кто такая?

– Да вроде как жениться он на ней хотел, а супруга развод не давала. Вот он ее и того... В общем, Шекспир отдыхает.

– Да уж... Ладно, бог-то с ним, с этим Андросяном... Ты, Василь Петрович, может все-таки объяснишь мне – нас-то за что поимели?

– Ну не знаю я! – раздраженно прорычал Нечаев. – Правда не знаю! Сутками сижу здесь, в кабинете этом чертовом... как этот, блин... как его... как президент Сукарно, и ни хрена не понимаю: что и зачем происходит?

– А почему как президент Сукарно? – спросил Нестеров.

– Да был в нашей молодости такой президент в Индонезии, если помнишь. Так вот он однажды признался: «Если кто-то понимает, что происходит в Индонезии, значит, он плохо информирован».

Нечаев не кривил душой, он действительно не знал, откуда у всей этой истории ноги растут. Тем более, что в данном случае Василий Петрович в полной мере разделял позицию Нестерова – ребята сработали грамотно, профессионально, а их внеплановый срыв с точки в свете нынешней оперативной обстановки в городе был абсолютно уместен. Но все, что мог в этой ситуации сделать Нечаев, так это не придавать делу широкой огласки и своею властью наказать ребят по-возможности не больно.

А ноги росли из Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. А точнее – из службы контрразведывательных операций этого самого Управления. Именно туда была спущена, проделавшая долгий согласовательный путь, инициативная бумага «грузчиков». В службе бумагу отписали в так называемое «немецкое отделение». Здесь с ней поработали: проверили факты, изучили снимки, оперативно провели положенные в таких случаях мероприятия. Провели и... ошизели от того, насколько случайная «ментовская» бумага попала в цвет. Выяснилось, что водитель «фольксвагена» из которого, по словам «грузчиков», состоялась передача пакета лицам, имеющим отношение к Генеральному консульству Федеративной Республики Германии, приходится шурином одному из ведущих инженеров ФГУП «Дальняя связь». Между тем месяц назад в питерскую контрразведку из Москвы поступила шифротелеграмма о том, что представители германской BND⁵ активизировали свои разведустремления и проявляют повышенный интерес к разработкам ФГУПа, связанным с модернизацией систем космической связи в российском аппаратном комплексе

⁵ BND – служба внешней разведки Германии.

средств спутниковой разведки. Все это время питерские чекисты ломали голову, не зная, как лучше подступиться к этой теме, и вот на тебе – такая удача. Начальник отделения Сергей Тимофеевич Х., изучив доклад своих подчиненных, возбужденно схватил бумагу со стола и без предварительного доклада помчался на пятый этаж, в кабинет начальника службы КРО, полковника Игоря Алексеевича У.

В отличие от многих своих подчиненных, полковник У. был человеком ярким и эмоциональным. Это отнюдь не означало, что иные были эдакими серыми мышами. Просто сама служба формировала здесь лица, с которыми только играть в японских театрах – и на похоронах, и на свадьбах одни и те же выражения.

Кабинет Игоря Алексеевича не был размером с футбольное поле, как это частенько показывают в фильмах про войну и шпионов, однако несколько телефонов: без дисков, с гербом СССР, а также с надписями «Ведение секретных переговоров запрещено» уровню, безусловно, соответствовали. На столе ровненьким рядком лежали бумаги. Сверху чуть потрепанная папка, на которой стертым золотом отсвечивало: «Управление КГБ СССР. Секретно», Ведомство СКРО, пожалуй, самое консервативное во всех странах мира, Отсюда и традиционный Дзержинский на стене. И дело вовсе не в том, что хозяин кабинета был за старую власть – просто ему было комфортно находиться под этим портретом. В тяжелом медном стакане торчали хорошо отточенные карандаши, включая, само собой, красный. Никуда не попрешь – школа!

– Есть над чем работать, Игорь Алексеевич, – без предварительных прелюдий начал Сергей Тимофеевич. – Сегодня же заводимся по «Дальней связи». Оказывается, хороший мент бывает и живым ментом.⁶ Ведь могут же работать, когда захотят.

Полковник У. внимательно ознакомился с содержанием докладной записки. Еще раз взгляделся в уже знакомые фотографии.

– Ну что ж, похоже, действительно в масть. Поздравляю вас, Сергей Тимофеевич. Только теперь давайте-ка без ненужной спешки – спокойно, четко, без этих ваших эмоций. Спешка, как вам известно, хороша лишь в двух случаях...

– Про блох знаю, а второй случай?

– При ловле звезд, – продолжил полковник, наступив тем самым на большую мозоль «немца», потолок которого в настоящей должности не позволял ему рассчитывать на третью звездочку.

– Неплохо бы перед Ваничкиным за опушников словечко замолвить, – продолжил Х. – Если бы не они... Словом, я считаю, что такие вещи поощрять надо.

– Вы правы, Сергей Тимофеевич. Подобные инициативы со стороны правоохранительных органов, безусловно, поощрять надо. Однако я думаю, что в данном конкретном случае опушников следует хорошенько наказать.

– Как же так, Игорь Алексеевич? Люди сработали в высшей степени профессионально, а мы их за это...

– Я понял, что вы хотите сказать, – перебил полковник. – Хорошо, представьте себе, что этих оперативников действительно поощрили. Скажем, выдали им премии – по триста рублей каждому. Как вы считаете, после этого они пойдут обмывать свой успех?

– Наверное, пойдут, – пробормотал Игорь Алексеевич, не понимая, куда клонит начальник.

– И я так считаю – обязательно пойдут. Причем еще и прихватят с собой товарищей. А затем, раскатав бутылку-другую, начнут рассказывать коллегам о том, как лихо они таскали по городу «шпионов». На следующий день коллеги сболтнут другим коллегам, и все. Пошла молоть языками губерния. Лично вам это нужно?

⁶ В данном случае Сергей Тимофеевич обыгрывает блатную поговорку «Хороший мент – мертвый мент».

– Нет, не нужно. И все-таки... Я считаю, такой подход не совсем верным. В следующий раз в схожей ситуации эти люди не захотят заморачиваться и проедут мимо...

– Уважаемый, Сергей Тимофеевич, такая, как вы называете, «схожая» ситуация случается один раз в пятьдесят лет. Это случайность, понимаете? Полшанса из ста. А через пятьдесят лет, как бы нам с вами того не хотелось, нас не будет не только в этом Управлении, но и в этой жизни. Так что перестаньте терзать себя душевными сомнениями и приступайте-ка лучше к работе. Вы со мной не согласны?

– В принципе согласен...

– По глазам вижу, что не согласны. Хорошо, давайте вспомним про вещи, о которых вообще не принято говорить. К примеру: идет-бредет группа глубинной разведки в тылу противника и собирается эта группа что-нибудь где-нибудь жахнуть. И вдруг на своем пути она натывается на пастушка – пацана лет одиннадцати. Тот разведчиков, ясное дело, увидел. И что теперь прикажете с ним делать?.. Тащить с собой? Но это лишняя обуза, да и марш он, скорее всего, не выдержит. Поговорить по душам: ты, мол, никому ничего? Слабо... Ликвидировать? Так это будет, извините, преступление... Да-да, и на войне – преступление! Ну, так каков будет ваш положительный ответ?

– Так то ж на войне... – засомневался было подчиненный.

– Я же предупредил, что и на войне это преступление, – понял интонацию полковник.

– Что ж... Убьют, пацана, конечно, – с недовольством, однако правдиво ответил подполковник.

– Согласен. Но правильно они сделают или нет?

– Правильно.

– Вот и правильно, что правильно! Они убьют не только, чтобы спасти себя, так как, скорее всего пастушок скажет бате, тот всей деревне, а в деревне немцы... Убьют – чтобы выполнить задание. Это справедливо, хотя с точки зрения гражданского населения – ни хера не справедливо!.. Так вот именно поэтому о таких вещах помалкивают, даже среди своих. Ну, теперь вы согласны?

– С чем? – понимая в чем дело, Сергей Тимофеевич тем не менее попытался изобразить из себя недогадливого.

– А с тем, что пастушок не должен увидеть разведчиков! – шеф нервно схватил карандаш и начал что-то чертить на газете, в конце концов прорвав ее.

– Так что ж мне теперь, угробить их, что ли!!! – взорвался подполковник. Весь этот разговор был ему неприятен, несмотря на отличное знание им всех правил игры.

– Офонарел?! Не в сорок первом под Вязьмой! Им надо дать взбучку. Хорошую взбучку. Опушники считают, что заметили шпионскую харю? Правильно!.. Если мы промолчим, они подумают «да, тихарятся чекисты, видать, след почуяли». Если поощрим, то будут рассказывать эту байку направо и налево... А если накажем, то просто обматерят нас и забудут.

– Так за что наказывать-то?!

– Да хотя бы за то, что за красными номерами топтать без разрешения – это создавать конфликты в министерстве иностранных дел. Заметит один такой субчик ноги, а его, между прочим, учили этому делу не в горах Афганистана, а в шикарном оборудованных разведшколах, и понеслась... А расхлебывать потом нам. Хотя это-то верно?

– Верно.

– А раз верно, то пусть на них нашумят, а они потом за рюмкой скажут: «Да чтобы мы еще раз этим козлам помогли? Да ни в жизнь!» Тогда получится, что пастушок заметил, но не понял, чего он заметил. Справедливо?

– С нашей точки зрения...

– Так с какой же мне еще точки зрения смотреть? С точки зрения оперуполномоченного уголовного розыска? Это у них – украл-выпил-в-тюрьму, а у нас – нюхаем-подглядываем. Раз в пять лет измена родине. Но Родине!.. Про ущерб митинговать, надеюсь, не будем?

– Никак нет! – несколько искусственно ответил Сергей Тимофеевич.

– Тогда продумайте, как организовать наказание, и доложите.

– Разрешите идти? – сыграл подполковник.

– Разрешаю, – подчеркнул полковник и уже у самых дверей окликнул своего подчиненного. – Да перестаньте вы, Сергей Тимофеевич, терзаться, в самом деле. В данном случае для ментов цена вопроса – бутылка водки. Ну, две... Так какая, собственно, вам разница, выпьют они с радости – оттого, что их наградили за инициативу, или с горя – оттого, что их наказали за самостоятельность?..

Подполковник Х. шел по коридору напевая: «А по осанке не видно, кто с Лубянки...». Зайдя в кабинет к своим подчиненным, он немедленно учуял запах мартини. В данном случае дело было не в том, что на рабочем месте – нельзя. Просто брак Сергея Тимофеевича был крайне неудачным, что само по себе большая редкость в этой среде, а начинался его роман с будущей супругой именно с мартини. С тех пор подполковник даже на рекламу этого напитка по телеку смотреть не мог.

– Мартини, бля!!! – накинулся он на своих.

– Тимофеич, ты чего? – моргнул глазами старший опер.

– Мне уже сорок пять, а я, бля, все Тимофеич!.. А?!

Народ быстренько подтянулся.

– Короче, подготовьте мне комбинацию, что бы этих козлов наказать!

– Каких козлов?!

– Наружку эту ментовскую, чертову!

– За что?!

– А за то! Чтобы нос свой дальше квартирных краж не совали! Навели, понимаешь, шухеру!

– Так ведь правильный шухер-то!

– Если завтра все ГУВД будет о новом шпионе говорить, вот тогда настоящий шухер и начнется! Ясно?

– Так точно, – вяло отреагировали подчиненные и уже через пару часов на приватную беседу был приглашен уполномоченный по связям с опущной общественностью майор Евницкий...

Как известно, лучше других в этом мире умеют портить настроение две категории людей: жены и непосредственные начальники. За каких-то полтора утренних часа изначально жизнерадостно-оптимистичный настрой Нестерова полярно поменял свой вектор на депрессивно-безнадежный. Работать не хотелось. Да и хрен-то с ней, с работой – служить не хотелось... «Шесть с половиной месяцев до двадцати пяти календарей продержаться, а там... На волю, в пампасы, к Ладонину, к любому другому черту с рогами или без», – утешал себя Нестеров, бесцельно слоняясь по коридорам конторы. Работать не хотелось – хотелось выпить. Однако выпить было не с кем. Народа нет, кабинеты по большей части закрыты. Словом, все ушли на спорт.

Тут бригадир вспомнил, что вчера он должен был позвонить старинному приятелю матери Валерию Семеновичу Егорову. Елена Борисовна была знакома с Егоровым больше двадцати лет. Все эти годы Егоров служил в КГБ-ФСБ и, в отличие от евницких и им подобных, был классным спецом и отличным мужиком. Неделю назад Нестеров позвонил Егорову и попросил не в службу, а в дружбу поводить жалом в соответствующих подразделениях

Большого дома на предмет какой-либо информации о Ташкенте. Поскольку тот в последние годы периодически проживал в Финляндии, Нестеров резонно полагал, что какой-никакой материалец на Ташкента у старших братьев обязательно должен иметься.

Александр Сергеевич дозвонился до Егорова, и тот (о чудо!) предложил ему через час встретиться у него дома, на Кирочной. В данном случае понятие «чудо» включало в себя целых три составляющих: во-первых, и Семеныч, и Нестеров в редкий для их службы момент оказались более-менее свободны; во-вторых, Егоров дал понять, что чего-то там ему удалось разузнать; и, наконец, в-третьих, бригадир нашел-таки человека, с которым было приятно пропустить столь необходимую ему сейчас рюмочку-другую.

Нестеров заявился к Егорову с жирным лещом, замотанным в толстую старорежимную бумагу. Эфэсбэшник так обрадовался этому обстоятельству, что немедленно принялся учащенно хлопотать на небольшой кухоньке.

– Ты чего это так разошелся, Семеныч? – удивился Нестеров.

– Так это ж – ЛЕЩ!

– Вижу, что не кит, – подтрунил Нестеров.

– Я тебе про такого леща расскажу такую историю, – облизывая пальцы, пообещал Валера.

– Валяй, – безразлично согласился Нестеров.

– Как-то отстаивались мы около Генконсульства США на Чайковского. Сам знаешь: выводят объекта с базы, а нам надо только грамотно принять... Словом, работенка – не бей лежачего. Они, естественно, знают, что мы пасемся все двадцать четыре часа... да что там они – все знают... Короче, стоим, пьем пиво, как раз напротив, на скамейке, которая на аллее. Подходит наш – в ментовской форме (типа милиционера, который в будке изображает) и просит: «Вы бы, мужики, отошли в сторону – не отсвечивали здесь». Ладно, говорим, сейчас отходим. Тем временем Сапаев покупает леща. Вот такого же сытого и в такой же грубой бумаге. Побрели менять место. Естественно, были немного того... конечно... подшофе. Проходим мимо самого входа в ГК, и тут лещ жирненько так вылезает из пакета и – плюх, чуть ли не на ступеньки консульства. Ну что делать?! Поднимать?... Да ну, к черту!.. Примерно так мы хором и сказали и побрели дальше. А минут через двадцать нас по связи зовут в контору. Нет проблем, приезжаем – благо рядом. А там мат-перемат: сволота, облились!? Мы, ясен пень, в отказ. Начальство кричит: дыхните! Мы: ф-у-у. Они: пи-и-во! Мы: да это лещ так воняет. Они вопят: Гады! Да ваш лещ был принят за условный сигнал! Знаете, какой кипеж поднялся!?... Во, контрразведка дает! Своих проверяет на предмет меточных мероприятий возле логова основного противника! Леща этого под микроскопом изучали – очевидно, нанесенную информацию на чешуе искали.

– Смешно!

– Ага, обхохочешься! С тех пор у меня на лещей слюна течет – не доел.

Тем временем на столе был красиво раскрыт лещ, нарезан хлеб, стояли два фужера под пиво и две рюмочки. Ну, а пол-литра у Валеры в морозильнике было всегда.

– Ты мне за другую рыбину расскажешь? – занюхивая хлебом первую рюмку, начал Нестеров.

– И не за простую, а крученую! – вытирая руки о мокрую тряпку в раковине, пообещал Валера. – Тут у меня папочка секретная, а в ней копии с информации, которой поделилось наше ведомство. Интересный фрукт! Кстати, поделилось не со мной, а с моим корешом в СЭБе. А он, в свою очередь, ввел его через липовое агентурное сообщение в какое-то ОД. Так что – смотри, разведка: будут пытаться – молчи.

– Ты мне, Семеныч, сначала на словах скажи, а то измажем бумаги: здесь читаем – здесь не читаем, – отстранил папку Нестеров, и без объяснений Егорова понимая, что за любую значимую информацию в конторе приходится тень на плетень наводить.

– А ты что – подшивать бумагу собрался?

– Да нет, просто штабная культура.

– Ладно, бюрократ ментовский. Итак: Ташкент твой, который на исторической родине числился в жуликах, слинял из города Джамбула девятнадцати лет от роду, забрав с собой деньги за двухкомнатную квартиру и новые «Жигули». В свое время местные пробовали его искать, но у них во всесоюзном масштабе руки коротки... Так уж сложилось, что прижился он в Питере. Прозвище свое получил за цвет кожи: с одной стороны, у него чисто славянские черты лица, с другой – он вечно загорелый. Само лицо такое... угловато-степное, что ли? Короче, сам глянешь – фото присутствует и не одно: несколько неказистых, оперативных съемок, плюс пара фоток черт знает кем сделанных, изъятых с обысков. Вот на этих его дух хорошо виден. Я смотрел внимательно, и вот тебе мой вывод – он не бандит...

У нас в Питере его довольно быстро все узнали. Формально он числился то в одной бригаде, то в другой. Однако по моим ощущениям, он никогда ни с кем не был... То, что за одними столами с лидерами и авторитетами сиживал – на это не гляди. С головой, с языком у него все «тики-так», так что хлопнет дело с кем-нибудь – и все...

Я тебе все подряд отксерил, поэтому здесь много неточностей, белиберды всякой. Главное, запомни – он дерзкий... Вот смотри: есть одна информация. Посадили как-то гуся одного по прозвищу «Борман», дело нашумевшее было... Так вот его братва долго думала, как убрать пару-тройку эпизодов. Ташкент вызвался решить вопрос, и не за долю малую, а за собственность на землю, на которой и было-то – пруд гнилой, да бурьян степной. Ударили тогда по рукам. Но ему не поверили. Дальше-больше: у следователя, который знакомил Бормана на 201-й и вышел из следственного изолятора, кто-то вырвал портфель с делом. Шум-гам! Разумеется, Бормана не выпустили. А когда дело звероподобно начали восстанавливать, то показания некоторые дали совсем иные. Смекаешь? Ты будешь смеяться, но Борман ограничился отсиженным, а Ташкент получил кусок помойки. Через некоторое время выяснилось, что это место гениально подходит под гипермаркет. Все просто.

– Ты хочешь сказать, Семеныч, что он знает, что во дворец легче пройти с черного хода под видом посудомойки? – вспомнил Нестеров разговор с Козыревым, который, начитавшись исторических книг, поставляемых ему соседкой, захлеб рассказывал о взрыве Зимнего дворца Халтуриным. Паша умилялся, что, когда после теракта охранное отделение начало тотальную проверку, выяснилось, что с парадного входа – с Иорданской лестницы даже генерал зайти без семи разрешений не мог, зато с черного входа уличных шмар водили к полотерам. А еще на чердаке была обнаружена живая корова, которую тайно ночью провели по дворцу в опорках.

– Это ты к чему?

– К тому, что это самое легкое и правильное.

– Ну, может ему кто-то посоветовал.

– Нет, скорее всего он просто наблюдателен и не имеет воображения. Отсутствие воображения – это серьезное оружие. Это спокойствие во время опасности...

– Ну ты даешь! Как заговорил. Ладно, далее... – Валерий разлил по третьей. Пивом они запивали. – Ташкент работал редко, но по-крупному и при этом всегда считал, что где-то рядом обязательно может быть агент. Даже когда его не было, он все равно вел себя так, как будто кто-то уже вломил. Поэтому частенько гнал дезу по телефону. Например, незадолго перед делом ему звонят и спрашивают: как дела? Спрашивают просто так. А он может сказать, что дела, как зола – мол, отравился грибами и так далее. Или в Токсово сгорела дача друга – в городе буду поздно вечером. То есть всегда экспромт. У него так голова устроена.

– Молодец!

– Не то слово. С головой все нормально. Да, и товарищ он продвинутый, в отличие от многих себе подобных. Вот ты, Саша, если бы была такая необходимость и возможность, носил бы с собой мини-компьютер, связывался бы по мобильнику через Интернет, посылал бы электронную почту?

– Да мне как-то сподручней на спичечном коробке записывать.

– То-то и оно! А этот шарит будьте-нате! Например: случилось убийство, на одном сайте в Интернете разместили информацию. Ташкент заходит на форум сайта из интернет-кафе и пишет там от имени анонима все, как было, с телефонами, приметами и кто что делил. Журналисты начинают проверять, милиция узнает у журналистов. Дальше: трали-вали-винегрет – скандал, как минимум. Зачем? – Это другой вопрос. Но большинство ему подобных никогда бы до такого не додумалось.

– Ну здесь, в принципе, ничего злодейского нет...

– В вилке тоже ничего злодейского, – поковырял Валера леща вилкой. – ... А четыре дырки оставить можно... Еще одна интересная деталь: зачем она нужна, я не знаю, как на нее обратили внимание, тоже не знаю, но Ташкент никогда не спрашивает «почему?». Всегда – «отчего?». Вот такое слово-паразит у этого паразита...

Они посидели еще немного... А потом еще немного... И окончательно измусолили-таки копии бумаг, лапая их пятернями и близко поднося к глазам. «Ну, про то, что тут всякие рубопы-губопы на него заводились и все без толку, это ты уже знаешь...» – сильно захмелев, бормотал Семеныч. «Ессессвенно», – гордо отвечал ему Нестеров. Еще через полчаса они уже пели: «Прогудело три гудочка и затихло в дали! А чекисты этой ночью на облаву пошли!», и тут из гостей вернулась жена.

– Хороши! – философски заметила она.

– Не мешай – видишь анализируем информацию! – сфокусировал зрение Валера.

– Да упаси господи мешать осуществлению безопасности федерации! – возмутилась таким непониманием супруга и, бочком зайдя на кухню, немного привела в порядок стол. – Связь Ташкента с НВФ⁷ нужна? – брезгливо поднимая за краешек, жена указала на отцепившийся листок.

– Это служебная тайна! – хрюкнул Валера, аккуратно засовывая листок за пазуху.

Нестеров глупо улыбался.

– Мне немедленно шарахнуть о косяк лбом не надо?

– Зачем? – удивленно спросил Валера, пытаясь очистить пальцы от чешуи.

– Чтобы секрет забыть! – жена жახнула сковороду в раковину и вышла.

– Ну, я пошел, – начал вставать Нестеров.

– Да погоди ты, Саша, все нормально!

– Вот пока нормально – я и пошел. К тому же у меня сейчас конспиративное свидание.

– С бабой?

– Нет. С передовой советской молодежью...

После беседы с Егоровым Александр Сергеевич принял решение в контору не возвращаться. День был теплый, спокойно-красивый и в большей степени располагающий к неспешным прогулкам, нежели к подшиванию дел в опостылевшем кабинете. До заранее оговоренной встречи со сменой оставалось часа полтора (в этот самый момент ребята как раз должны были сидеть на «судебном процессе») и Нестеров, трезвея по пути, пешочком отправился через центр к скверику, который по причине хорошей погоды невольно стал временной штаб-квартирой их подпольной организации. По дороге он отзвонился в контору и поинтересовался у дежурного насчет текущей обстановки. Серега Васильев ответил, что все спо-

⁷ НВФ – незаконные вооруженные формирования.

койно, вот только Нечаев несколько раз заглядывал в дежурку и справлялся, где Нестеров. Александр Сергеевич не стал выдумывать достойных отмазок, попросил по возможности передать шефу, что сегодня он в конторе не объявится, и отключился. Ничего страшного – потерпит до завтра. В конце концов, после утреннего разноса «не по делу» любой нормальный человек имеет право взбунтоваться. «Да-да, Василий Петрович, я взбунтовался. И никакой вы не великий, а выдающийся и только».

Ребят в условленном месте не оказалось – похоже, вынесение приговора по делу Льва Трушина затягивалось. Нестеров сидел на скамеечке, потягивал свое любимое «Петровское» и переваривал информацию, полученную от Егорова. Данная Семенычем характеристика Ташкента была в высшей степени интересной, однако все, что в этом мире связано с компьютерами, являлось для бригадира темным лесом, а некоторые узкоспециализированные термины из этой области Нестеров до недавнего времени вообще воспринимал как сленговые бранные слова. (В частности, когда однажды в отдел заехал пацан из компьютерной службы Управления и начал сыпать словами, типа «вам варёз новый ставить надо, опять же кулер, а вообще писюха древняя, даже разъема usb не предусмотрено»,⁸ бригадир не выдержал и рывкнул на него: «Юэсби твою мать! Я тебе сейчас такую писюху устрою!.. Говори толком и по-русски, чего делать-то, чтоб принтер нормально печатал?».) «Надо будет Лямку на это дело подрядить. Паша говорил, что он вроде как в этих самых компьютерах-интернетах разбирается», – подумал Нестеров и поймал себя на мысли, что былой запал прошел и у него уже нет острого желания отдрючить свою команду за инцидент с Камышом. Тем более сегодня, когда смену в очередной раз смешали с говном и незаслуженно наказали. «Ладно, – решил Нестеров, – проехали и забыли. Работаем в прежнем темпе, как и раньше. До нового прокола. Но уж тогда он будет точно последним»...

Наконец появились ребята. Поначалу все трое в общении с бригадиром держались настороженно, с трепетом ожидая обещанного разбора полетов. Однако поняв, что такого сегодня не ожидается, молодежь заметно повеселела и оживилась. Особенно после того, как Нестеров поинтересовался их впечатлениями от состоявшегося суда чести. Полина и Лямин наперебой принялись цитировать самые яркие и ослепительные гэги и хохмы обвинителей и подсудимых, и Александр Сергеевич понял, что, как он и прогнозировал, сие действо обернулось глупейшим фарсом. По словам Полины, тон всеобщему веселью, сам того не ведая, задал Шлемин, который в свое обличительное выступление умудрился втиснуть более чем двусмысленную фразу, а именно: желая привести собравшейся аудитории наиболее достойный с его точки зрения пример безупречного служения Родине, замначальника вспомнил про дедушку Самохина, некогда легендарного «грузчика» образца 60-х годов. Владимир Иванович Самохин вышел на пенсию аж в 84-м году, но с тех пор его регулярно выдергивали на все проходившие в Управлении культурно-массовые мероприятия с участием ветеранов службы и именно на этом поприще он проявил себя с самой лучшей стороны. Самохин жил на Большом проспекте Васильевского острова, а потому кусок своей речи о нем Шлемин начал так: «...Когда я хожу по Большому, то всегда вспоминаю нашего легендарного Владимира Ивановича Самохина и мне сразу становится легче, поскольку...» Дальше уже можно было не продолжать – присутствующие в зале просто сползли со стульев от смеха и попадали в проходы. После этого каждое последующее выступление обязательно интерпретировалось сидящими в зале остроловами в свете туалетно-пивной темы Трушина и физиологических особенностей несчастного Шлемина. В конечном итоге Жене Стукову вклеили выговор, Лева Трушину – строгий. И на кой черт ради этого руководству понадобилось устраивать такое шоу, было непонятно. Разве что в качестве компенсации за подло замотанный массовый выезд на природу?

⁸ Кулер; варёз; писюха (компьют. жаргон) – вентилятор; свежее программное обеспечение; компьютер.

Ольховская, Нестеров и Лямин хохотали до слез, а сидевший чуть в сторонке Паша Козырев хмурился и украдкой пожирал глазами Полину. После того, как он узнал, что у нее был роман с Камышом (узнал, естественно, в общих чертах, без шокирующих для влюбленного молодого человека подробностей), Паша в сердцах принял решение плюнуть на все и как можно быстрее забыть. «Да будет так: пусть любовь ушла, но она (любовь? Полина?) когда-нибудь еще об этом пожалеет». Однако когда сегодня утром перед кроссом он увидел ее, выходящую из раздевалки в потрясающем топике и плотно обтягивающих бедра коротких спортивных шортах, козыревское сердце не выдержало, ухнуло и провалилось в тартарары, вслед за всеми его клятвами и зареканиями про «ни за что и никогда».

После кросса была стрельба. И если в беге на пять километров Ваня Лямин еще как-то продержался, то здесь он поплыл по полной программе. Стрелок из Лямки был, прямо скажем, хреновый. После первых трех тренировочных выстрелов бессменный руководитель стрельбами седовласый Петр Геннадьевич Ершов критически осмотрел девственно чистую Ванину мишень и задумчиво произнес: «Да, хорошо бьет ружье: с полки упало – семь горшков разбило». Но, в конечном итоге, с грехом пополам зачет сдали все. Кто не смог – тому натянули. Кадровикам, им ведь тоже хорошие показатели требуются. После этого Ершов объявил, что осталось еще немного патронов и если у кого имеется такое желание, то пожалуйста к барьеру: популяйте, отведите душу.

Козырев, у которого сегодня был лучший в отделе результат (сказывалась суровая пограничная школа), предложил «грузчикам» пострелять на пиво. Правила были известны и стары как мир – разница в результатах равняется количеству выставляемых проигравшим бутылок. Народ принимать вызов не торопился: получка еще не скоро – каждая копейка на счету. И тут, к удивлению всех, посоревноваться с Пашей вызвалась Полина, выдвинувшая свое условие-пари: поскольку пиво она не пьет, то согласна стрелять на желание. Козырев вызов, конечно же, принял, в душе уже тайно предвкушая, как затребует с Ольховской полноценный поцелуй – то бишь, не просто чмок в щеку, а настоящий засос в губы. Однако выяснилось, что Павел поторопился. Итоговые результаты оказались удручающими: у Полины из пятидесяти – сорок три, у него – тридцать девять. (Что, впрочем, неудивительно: стрелять Ольховскую научил Камыш. В свое время они частенько выезжали в лес, где практиковались в стрельбе по бутылкам. Правда, на предложения Жени попрактиковаться в стрельбе по движущимся мишеням она всегда отвечала отказом – валить из «ТТ» несчастных ворон Полина категорически не соглашалась.) Угрюмый Козырев на глазах у потешающихся «грузчиков» подошел к Полине с немим вопросом: мол, чего изволите? Но Полина, кокетливо улыбнувшись, заявила, что пока ей почему-то ничего не хочется и поэтому она должна какое-то время подумать.

– Только недолго, – буркнул Паша и ушел, посрамленный женщиной. Любимой женщиной, а оттого еще более несчастный...

После того как бригадир и «грузчики» вдоволь отсмеялись и напотешались (не забыв, кстати, и про конфуз Козырева), Нестеров перешел к более печальным известиям. Рассказывая о свежем, с пылу-жару начальственном порицании, Александр Сергеевич постарался максимально смягчить акценты и, в целом, смена без лишней истерики отреагировала на очередное массовое взыскание. Один лишь Лямин остался дико недовольным, поскольку в октябре собирался поехать погостить к родителям. Утешения Козырева типа «в феврале, когда коньки и лыжи, отдыхать самое то», на него подействовали слабо. Кстати, сам Паша, которому, в отличие от Ивана, ехать было некуда, гораздо в большей степени радовался тому обстоятельству, что он снова возвращается в смену, а главное, что, невзирая на его идиотский прокол, они продолжают работать за Ташкентом.

Лямка все еще продолжал возмущаться, а Нестеров между тем уже перешел на только что состоявшийся разговор с Егоровым. Бегло пересказав полученную информацию, бригадир вопросительно посмотрел на ребят: мол, у кого какие будут соображения? Прошу, высказывайтесь. Первой взяла слово Полина:

– Александр Сергеевич, помните, вы говорили, что ладонинская прослушка телефона связи Ташкента ничего не дала?

– Помню, было такое дело. И что?

– А еще Ладонин тогда упомянул, что телефон постоянно занят – как будто человек регулярно в Интернете сидит.

– Полинушка, ради бога – не говори загадками. Я ж в этих интернетах ни фига не волоку...

– Мобильной связи у него нет. Счета за междугородние переговоры в последнее время к нему тоже не приходили. Но в день гибели Антона он встречал Ташкента в Выборге, значит точно знал, когда и во сколько Ташкент пересечет границу. Так?

– Так – и что сие значит?

– А сие значит, что он мог связываться с ним по электронной почте. Через Интернет... Раз ваш знакомый утверждает, что Ташкент в этих вопросах человек продвинутый, то почему бы и нет?

– Я понял твою мысль, вот только не очень понимаю, что нам это дает и как этим можно воспользоваться... Кстати, – Нестеров обернулся к продолжавшему все это время дуться Лямину, – а что нам обо всем этом скажет наш эксперт по компьютерным тарелочкам?

Ваня, гордый тем, что он единственный в составе смены является специалистом в области высоких технологий, тут же успокоился, надул щеки и, обведя взглядом присутствующих «чайников», поучающе изрек:

– Если человек использует электронный почтовый ящик, предоставляемый оператором сотовой связи (что в нашем случае наиболее вероятно), то все входящие/исходящие сообщения в процессе передачи временно хранятся на почтовом сервере оператора. Также на этом сервере постоянно формируется отчет (лог) о проходящих почтовых сообщениях, информация в котором содержится за определенный период времени (допустим, десять дней) и постепенно обновляется...

– Ни хера не понял. Короче, Склифосовский...

– Если ваш знакомый утверждает, что Ташкент всегда питал страсть к навороченным мобильным телефонам, то, скорее всего, в повседневной практике он посылал электронную почту со своей трубки. Конечно, после убийства Антона он мог поменять сим-карту, однако адрес электронной почты для удобства мог оставить (и скорее всего оставил) прежним...

– Предположим, что мы через этого самого знакомого узнаем электронный адрес Ташкента. Что тогда?

– Тогда все очень просто. По требованию компетентных органов или за деньги Ладонина владелец сервера электронной почты может обеспечить сохранение всех проходящих через сервер писем интересующего пользователя. То есть теоретически мы сможем читать письма, которые Ташкент будет получать и отправлять. Ну и, само собой, узнать номер мобильного телефона Ташкента, на который, в принципе, также можно организовать мероприятие ПТП.⁹ Я закончил, господа. Аплодисменты не обязательны, но желательны...

Козырев и Полина восторженно зааплодировали, а Нестеров на какое-то время глубоко задумался, после чего отошел в сторонку и набрал номер телефона Ладонина. Минуты три они о чем-то оживленно переговаривались, после чего бригадир удовлетворенно убрал трубку в карман и вернулся к ребятам.

⁹ ПТП (спец. термин) – прослушивание телефонных переговоров.

– Значит так. Завтра с утра мы с Ляминим едем к Ладонину. Он обещал пригласить какого-то спеца из своей службы информационной безопасности и ты, Иван, подробненько перескажешь ему все, о чем вещал нам пять минут назад. Сам я все это даже под пытками воспроизвести не смогу... Теперь по работе на завтра: мы заступаем вечером с четырех, поэтому сейчас все скоренько разбираемся по домам и отдыхаем.

– Александр Сергеевич, вы помните, что у нас остались еще два неисполненных по установкам адреса?

– Помню, Полина. Костромская и Подвойского. Но давайте не будем сегодня гнать коней. Адреса обязательно доделаем, но пока, как мне кажется, версия Лямки представляется наиболее перспективной...

Иван просто светился от счастья. И то сказать: за слова благодарности от бригадира он был готов не то что в феврале, вообще в отпуск не ходить. Смена двинулась в сторону метро, при этом Полина чуть попридержала Нестерова, подождав пока Лямин с Пашей уйдут вперед.

– Александр Сергеевич, скажите, а Женя... Камыш вам не звонил? По поводу Ташкента?

– Нет, Полина, не звонил. Но он и не обещал, что сделает это в ближайшие дни. Мне кажется, ему сейчас нужно немного времени, чтобы прийти в себя и хорошенько подумать... Так что будем ждать. Тем более, что ничего другого в данном случае не остается, верно?

– Верно, – вздохнула Полина.

– Кстати, я все хотел тебя спросить... Ты уж извини, если я, старый баран, лезу не в свое дело... Короче, тебе не кажется, что Пашка в тебя немного... как бы это сказать?

– Влюбился?

– Да.

– Кажется.

– А тебе самой, еще раз извини за нескромный вопрос, он как?.. Я ведь к чему спрашиваю: влюбленный человек за рулем – опаснее пистолета...

– Он... Он хороший, – тихо ответила Полина и быстрым шагом пошла догонять ребят. «Детский сад», – в который раз дал оценку своей команде Нестеров, закурил и отправился вслед за остальными.

...Третью ночь кряду Лямину спалось отвратительно. Пусть и в чуть разных вариациях, но все равно ему снился по сути один и тот же сон про то, как он, Ваня, ведет объекта – неизвестного человека в черном. На улице – ни души, вокруг только глубокая ночь, да пронизывающий ветер. Человек заходит в неосвещенный подъезд, и Лямин слышит по станции приказ бригадира: «Грузчик, делаешь адрес!». Иван заходит в подъезд, а человек, оказывается, уже поджидает его там с тяжелой арматуриной в руках. Это никто иной как Шамовка – заводила ватажной молодежи из соседнего микрорайона. Он набрасывается на Ивана и начинает методично наносить удары: по рукам, по телу, наконец, по голове... Лямин падает на ступеньки, в страхе пытается прикрыть голову и... просыпается.

Впервые Шамовка объявился в снах Ивана ночью, которой предшествовала злополучная встреча с Камышом. И не страх перед объектом, не риск расшифровки с вытекающими отсюда последствиями, а именно сам удар, пусть и не сильный, но приведший к потере сознания, послужил катализатором появления этих ночных кошмаров. Нечто подобное в своей жизни Ваня однажды уже испытывал. Тогда ему тоже долгое время снились сны, в которых его преследовали неизвестные пацаны, а догнав – жестоко избивали. Это было давно, семь лет назад, в Костроме, после того, как похожим ударом Лямина вырубili в подрастковой драке, в которую он и попал-то совершенно случайно.

В Костроме Лямин жил с родителями в отдельной трехкомнатной квартире в самом центре, рядом с площадью Сусанина (она же Сковородка). Но каким бы элитным и навороченным ни был дом, он все равно стоит среди прочих домов. А между домами пролегают улицы. А на этих улицах живут подростки, не каждому из которых родители могут ежедневно выдавать запрашиваемые их чадами суммы на завтраки и развлечения. Поэтому приходится добывать средства для существования самостоятельно. Экспроприировать их у своих земляков вроде как запахло – приходится тащиться к соседям, на другую улицу. Так рождались местечковые подростковые войны: в Казани – пострашнее, в Костроме – потише. Но суть была одна: люди бились за металл. Ну и от скуки, конечно. Куда от нее, горемычной, денешься?

Лямин не был маменькиным сыночком, но и не ошивался на улицах, предпочитая большую часть свободного времени проводить дома, за компьютером. Благо, его родители были достаточно обеспечены и могли удовлетворять любые запросы стремящегося не отстать от информационного прогресса Ивана. Однако местную шпану со Сковородки Лямин в лицо знал, порою даже покурировал с ней из подражания, но деньги с чужаков не тряс, в набегах и погромах не участвовал и вообще очень слабо разбирался в городских территориях, негласно поделенных по принципу «можно (или нельзя) заходить одному». С такими известными местными пацанами, как Шило, Клава, Бей-беги, он по жизни не сталкивался, хотя слышал о них постоянно и за глаза обалдевал, слушая байки про их подвиги. Так, например, одноклассники шепотком передавали про то, как Шило поцапался с Шамовкой из-за того, кто лучше мечет нож. И тогда оба удумали на берегу Волги дуэль: встают спинами по очереди и метров с десяти кидают перочинный нож. Так накидали, что у обоих спины в синяках и царапинах. Смешно? А окружающим тогда было очень круто.

Как-то раз Шило созвал всех дворовых и объявил, что вечером готовится набег на соседей. Причина была серьезная: те продолжали отбирать рубли перед школой, которая находилась на территории Шила. Всем миром порешили – наказать. В момент принятия решения, обсуждение которого проходило в облезлой беседке с провалившимся полом и соответствующими надписями на досках, мимо проходил Лямин.

– О, Ляма, подь сюды! – позвал его паренек по прозвищу Айболит. Так его звали из-за отца, который работал врачом. Айболит периодически таскал из кабинета бати хлороформ для замораживания растяжений мышц, которым в этой же самой беседке и дышали. «Моментом» было и дешевле, и безопаснее, однако хлороформ считался круче.

Лямину объяснили суть дела. Он закивал, хотя смутно понимал зачем. Но как тут откажешься? Кем тогда прослывешь? И что тебе потом, как минимум, будут кричать в спину? Тем более, что Ивана и так уже многие за глаза презрительно называли «ботаником»...

На акцию собралось немного – человек под двадцать. Набрали мелких кольев, велосипедных цепей, а кто-то даже раздобыл настоящую нагайку. Именно обернутые велосипедные цепи на руках, предварительно одетых в строительные рукавицы, очень смутили Лямина. Нахлестать по ушам, дословно приводя наказ Шила, он представлял себе немного иначе. Однако виду не показал... А кто бы в такой ситуации показал?

Шило, который был уже со стаканом портвейна внутри, осмотрел своих, остался доволен и решительно повел в атаку. Всем было весело и интересно, хотя толком подготовились только битые – человека четыре, не больше. Вот они-то хорошо знали, что такое набег, а потому явились в ватниках без рукавов, а на ногах несли коротко обрезанные кирзачи.

До двора противника, посреди которого последние двадцать лет стоял засохший фонтан с гипсовым пионером, дошли минут за пятнадцать. При этом старались лезть через дворы вдоль улиц, чтобы вражеская разведка раньше времени не засекала... Айболит высунул ухо и глаз из-за угла дома и объявил ватаге:

– Сидят, красавцы!

– Айда! – шепнул громко Шило и первый выбежал за угол. Лямин нервничал и от этого выбежал вторым. Он услышал, как Шило приговаривает популярный тогда напев: «... Солнце мое, не обижай малютку, где тебя носит, солнце мое?» С этими словами он и шандархнул сидевшему на скамейке парню коротким черенком от лопаты в горло.

Понеслось!

Через несколько секунд каким-то невероятным отстраненным зрением Лямин увидел себя со стороны: он стоял в куче-мале, чуть разводя руками и лишь один из всех присутствующих наблюдал за происходящим с открытым ртом. Тем временем Шило уже закатился с кем-то под скамейку... Айболит присел на корточки от удара в пах. На парапете фонтана, густо намазанного белой известкой, лежала клякса густой черно-малиновой крови. Лямин тупо уставился в нее.

– Чо тормозим? – очнулся Лямин от пронзительного крика. Паренек сзади, у которого из уха текла кровь, обхватил кого-то руками и теперь пытался завалить. Но в тот самый момент, когда Лямин наконец опомнился, он учуял, что сзади в него что-то летит... И интуитивно пригнулся. Как оказалось, напрасно – если бы стоял в рост, то получил бы широченной доской по хребту. А так пришлось по затылку. Лямин нырнул носом в гравий и уплыл...

Первое, что увидел Иван, открыв глаза, была расцарапанная харя Шила.

– Пациент скорее жив, чем мертв! – улыбался он разбитыми губами. – Скажи «лямям»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.